

ГАСТРОЛИ

ПОЛУДЕННЫЙ ЗНОЙ КЛОДЕЛЯ

Двойственное ощущение рождает спектакль театра из Франции по пьесе Поля Клоделя «Полуденный раздел». Гастроли «Студио-Театр де Витри» проходили на старой сцене Театра на Таганке при содействии Французского культурного центра и Союза театральных деятелей России.

Расположенный в одном из парижских пригородов, в помещении, служившем когда-то мастерской жестяных изделий, более десяти лет возглавлялся он Аленом Олливье. Премьера «Полуденного раздела» в его постановке состоялась в 1993 году. Пьеса, — знакомая большинству из нас благодаря В. Мирзоеву, снискавшему славу российского первооткрывателя «страстного» театра. Да еще история отечественного театра, не столь далекая, напоминает о драматурге. Словом, отголоски мировой славы Клоделя доходят до нас редко.

«Полуденный раздел» автобиографичен: как и его персонаж, Клодель, следовавший в 1900 году с дипломатической миссией в Китай, встретил на корабле прекрасную польку Розали Веч и испытал страстное физическое влечение. Позднее он расскажет о своей любви в «Полуденном разделе», ибо уйти от власти пережитого окажется для него невозможным, вопреки сомнениям в том, подобает или нет христианину описывать запретные страсти. Пьесе Клодель назовет криком любви.

Ее пряный мир с «колониальным», восточным ароматом, идущим не от географии перемещения героев (а они плывут к китайским берегам), а от густоты, тягучести чувств, тяжелых, как кара, погружает в отнюдь не бытовую историю. Но и не в поэтическую и уж никак не в романтическую. Здесь не просто сгорание от страсти, а испепеление дотла. Против природы, властной и сильной, идти невозможно. Страсть побеждает волю, здравый смысл. Это почти inferнальная, вневременная история, герои которой — Женщина и Мужчина, а место действия — где-то между небом и землей. Здесь не божественная просветленность, а запах плоти, но какой-то неземной, это не рай, а скорее ад.

Спектакль Алена Олливье разделяет твой собственный мир на две половины, противоположные, взаимоисключающие. Первая — неприятие, отторжение, идущее от статичности, какой-то даже примитивности мизансцен, внутренней статики персонажей, будто бы выведенных на подмостки только затем, чтобы произносить текст, реплику за репликой. Неуклюжее, грубоватое соединение картин, обрывистые финалы двух актов спектакля, без плавного переключения и заключительной точки рождают чувство неловкости. Но постепенно в сознании происходит сдвиг, и вдруг начинаешь не замечать постановочных швов, потому как поддаешься красоте звучащего слова.

Главным, наиважнейшим становится не действие, вопреки всем театральным законам, а именно слово, изумительный текст, страстный сам по себе, рожденный почти звериным, природным чувством. Женщина на сцене замыкает круг, становится центром притяжения для трех мужчин и для всех, находящихся в зрительном зале. Она одновременно доступна, осязаема в своей горячей плоти и непостижима. Сцена великого акта любви, вольно или невольно ставшая кульминационной в спектакле, не прожитая на сцене по законам милого сердцу психологического театра, а как-то иначе представленная, много объясняет в ней, Женщине. На сцене царствует дуэт актеров Элен Лоссёр (Иза) и Кристиана Клоарека (Меза), скрывающий аморфность прочих линий и персонажей спектакля. Всё затмевает смысл клоделевского слова. Так бывает во время зноя, когда ничего не ощущаешь, кроме испепеляющего солнца и жары, от которых спасения нет, покуда они не исчезнут.

Светлана ХОХРЯКОВА.

Кушатура. — 1995. — 11 марта. — С. 9.